А. А. Гиппиус

Дикий мёд Новгородской земли

30 июня неизвестного года второй четверти XIV в. в находившуюся на Торговой стороне Новгорода улице усадьбу наместника Филикса была доставлена собранная в Заволочье дань. Зафиксировавшая этот акт официальная запись дошла до нас в виде берестяной грамоты № 417. Документ был найден в 1963 г. на Ильинском раскопе, опубликован А. В. Арциховским и В. Л. Яниным в седьмом томе «Новгородских грамот на бересте» (НГБ VII: 22-24) и составляет раздел Г 19 2-го издания «Древненовгородского диалекта» (Зализняк 2004: 544), по которому текст и перевод и воспроизводятся ниже.

приѣхавъ · и заволоцѣа · носилѣ · серебро · климѣц[ь]
с племенъ·мъ · на завѣтрѣ · по петровѣ дн҃и · носилѣ
фодорку · слепѣткову · съз братѣю · а серебромъ хо(ди)≠
лъ григорѣи фларевъ · давыдъ поповъ · ма≠
твѣикє нищє · лука онишковъ · софронъ · м-≠
шкинъ

Перевод: ‘Приехавши из Заволочья, носили серебро Климец и его родичи на другой день после Петрова дня – носили Фодорку Слепеткову с братьями. А за серебром (букв.: с серебром) ходили Григорий Фларев, Давыд Попов, Матвейко Нищ (Нищий), Лука Онишков, Софрон М-шкин’.

Из лиц, названных в грамоте, внимание исследователей до сих привлекал преимущественно Матвейко Нищий или Матвей Кенище, как он был поначалу интерпретирован в издании и к чему позже предлагал вернуться В. Б. Крысько [1993: 150-151]. Нас же будет интересовать другой персонаж, а именно Фодорко Слепетков, принимавший от лица новгородской администрации «заволоцкое серебро». Издатели затруднились прокомментировать отчество *Слепетков*, заметив, что «соответствующее имя среди древнерусских имен неизвестно» (НГБ 7: 25). Как недостаточно ясное это имя (или прозвище) характеризует и А. А. Зализняк, приводя, впрочем, две параллели к нему – упоминаемые в писцовых книгах названий деревень *Слепетне* (НПК II, 832) и *Слѣпетно* (НПК V, 530).

Взяв этот топонимический след и пройдя по нему, мы обнаруживаем довольно любопытные вещи.

Выясняется, во-первых, что варьирование *е*/*ѣ* в этом названии – мнимое. С ятем оно представлено лишь в указателе НПК, в самой же публикации писцовой книги Шелонской пятины 1576 г. читаем: *Слепетно.* Очевидно, замена *е* на *ѣ* была произведена составителем указателя, подверставшим топоним к группе названий с корнем *слѣп-* (*Слѣпица, Слѣпой Конец, Слѣпцово*), к которой оно в действительности не принадлежит.

Во-вторых, круг топонимов, в которых отразилось интересующее нас имя или слово, от которого оно образовано, может быть расширен. Кроме деревень *Слепетно* в Порховском окологородье Шелонской пятины (НПК V, 530) и *Слепетне* в Холмском погосте Деревской пятины (НПК II, 832), в писцовых книгах отыскивается также *Слепетной остров* в Холмском погосте Торопецкого присуда Деревской пятины (ПКНЗ 4: 307). Поиск в Интернете позволяет добавить к этому дер. *Слепетово* в Торжокском р-не Тверской области (Бежецкая пятина) и болото *Слепетное* в Бокситогроском р-не Ленинградской обл. (Обонежская пятина). Интересующие нас названия фиксируются, таким образом, на территориях, входивших в состав четырех пятин Новгородской земли. В словообразовательном отношении мы имеем дело с двумя рядами названий: производными от личного имени (прозвища) *Слепетъ* (гипокористикой которого является *Слепетко*) и производными от апеллятива *слепетъ*:

слепетъ	→	Слепетъ	→	Слепетко
↓		↓		
Слепетне		Слепетово		
Слепетно(е)				

Что же до самого слова *слепетъ*, то трудности с его этимологизацией отпадают, как только мы опознаем в нем результат фонетического преобразования исходного *свепетъ* ‘дикий мед’ – совершенно такого же, какое демонстрирует переход *свобода* > *слобода*.

Историческими словарями русского языка слово *свепетъ* засвидетельствовано слабо. И. И. Срезневский [3: 270] приводит единственный пример из перевода Толкового евангелия Феофилакта Болгарского, где в толковании на Мф. 3: 4 имеется глосса переводчика: *медъ дивіи* $\bar{w}$ *дики*^{x} *пче*^{л} *дѣлаемъ въ дрѣвѣхъ и въ каменіи обретаемъ, по словѣньскоу же ꙗзыкоу с(в)епеть*[1] [Горский и Невоструев 2.1: 137]. Словарь русского языка XI-XVII вв. [23: 109] добавляет к этому привет из Алфавитаря XVII в.: *свепетъ – медъ дивии*, очевидно, восходящий к той же глоссе в Толковом евангелии. Также в составе глоссы фиксируется и единственный пример на прилагательное *свепетьныи*: *и показахуть ему медъ дивии рекше свепетныи* [Там же, пример из Пролога XIV в.]. У Даля и в Словаре русских народных говоров слово отсутствует.

Иную картину представляют староукраинские и, особенно, старобелорусские источники, в которых слово встречается неоднократно, причем не в книжных, а в деловых памятниках. В словаре староукраинского языка XIV-XV в. оно представлено примером из перемышльской грамоты 1366 г. со значением ‘борть’: *со всѣмь уездом того села … и свепеты за рѣкою* (ССМ 2: 321). В примерах из исторического словаря белорусского языка *свепетъ* выступает в значении ‘гнездо диких пчел’: *Естли бы который земянин бчолы въ гродѣ мѣлъ, у границахъ своихъ ма взяти рой и свѣпетъ (1501); хто бы свепет в чыемъ лесе мыслне порубалъ и медъ выбралъ, тот маеть за то шесть рубле*^{в} *гроше*^{и} *заплатити (1588); тутъ въ той сосне свепетъ выдранъ (1596)* [ГСБМ 13: 89-90][2]. Именно это значение, очевидно, следует считать исходным для данного слова. Оно хорошо объясняет этимологическую связь существительного *свепетъ* с глаголами *свепетати* ‘качаться, двигаться туда-сюда’, *свепитися* ‘шевелиться’, *свепатися* ‘кивать, качать’ [Фасмер 3: 573, Махек: 456]. Название пчелиного гнезда, определяющим признаком которого является подвижность, шевеление, могло быть распространено и на производимый пчелами мед, и на борть как место обитания пчел.

В старобелорусском материале обнаруживается и прямое подтверждение предложенного объяснения: в источнике 1663 г. в том же значении ‘гнездо диких пчёл’ фиксируется слово *слепетъ*: *дерево бортное, пчолы на корень деручы, слепеты подтинаючи, медъ выбирали* [ГСБМ 13: 417].

Приведенные данные, помимо выяснения этимологии имени *Слепетко*, позволяют констатировать следующее.

Во-первых, слово *свепетъ*, ранее фиксировавшееся на восточнославянской территории лишь в староукраинских и старобелорусских источниках, а также в русских церковнославянских текстах без определенной локализации, теперь с надежностью восстанавливается и для древненовгородского – осталось лишь дождаться, когда оно встретится на бересте как апеллятив. Вне восточнославянского ареала слово представлено только в др.-польском (*świep(i)ot*, *świepiet*), а также в чешских диалектах (в варианте *svapato*, ср. рода и с не вполне ясным вокализмом, см. Махек 1928: 150; Махек 1957: 456)[3] и, таким образом, представляет собой лексическую изоглоссу, объединяющую западнославянские языки с восточнославянскими.

Во-вторых, как уже было сказано, изменение *свепет* > *слепет* составляет яркую параллель к переходу *свобода* > *слобода*, приводимому обычно как изолированный пример общеславянской по своему распространению, но при этом несомненно поздней межслоговой диссимиляции губных (см., например, [Нахтигал 1952: 230]). Фонетические условия двух изменений совпадают с

---

[1] В цитируемом списке – *сепетъ*, но в двух других: *свепетъ*.

[2] В источниках словаря, впрочем, слово выступает и со значением ‘дерево с дикими пчёлами’. Так, в документе 1539 г., входящем в состав Судебной книги витебского воеводы М. В. Клочко, описывается ситуация, в которой человек, нашедший в дупле дуба пчелиное гнездо, забирает его себе и, не заметив на дубе чужого владельческого клейма, ставит собственное. При этом словом *свепетъ* обозначено как гнездо (*То былъ мои дубъ власъныи и знашолъ есми в немъ свепет, а клеина вашого на немъ не было, а не былъ бортъныи*), так и дуб, в котором оно находится (*тогды Михаило за того дуба со бчолами маеть заплатити копу грошеи, которого* [=дуба] *Михаила менилъ свепетомъ*) [Клочко 2008: 256-258]. Заметим, что эта коллизия ближайшим образом напоминает ситуацию берестяной грамоты № 5 из Твери (см. Гиппиус и Схакен 2011).

[3] Благодарю за консультацию С. С. Скорвида. Отмечу также встретившееся в Интернете название серебряной шахты в восточной Чехии *Slepetné*, а также вариант *свепето* ср. рода в старобелорусском (*а третее свепето выдрано* [ГСБМ 13: 90])

точностью до ряда гласного и глухости/звонкости согласных, что позволяет предполагать их одновременность.

Данные о хронологии изменения *в* > *л* в корне *свобод-* согласуются этим предположением. В берестяной письменности вариант с *в* представлен в грамотах № 421, 20-30-е гг. XII в. (*свободне*), № 614, посл. треть XIII в. (*своподь*), № 419, 1290-1300-е гг. (*свободихомосѧ*)[4], а вариант с *л* – в № 535, 2 пол. XIV в. (*слободу*). В Новгородской 1-й летописи *слобод-* впервые фиксируется под 1397 г. в Комиссионном списке младшего извода (*Двиньскои слободъ,* в Академическом списке – *свободъ*), тогда как до этого под 1196, 1229 и 1333 г. представлено *свобод-* (первые два – также в Синодальном списке). XIV в. датируется и Сильвестровский сборник, в котором представлен древнейший в книжной письменности Новгорода пример *в слободѣ* (Сказ. о Бор. и Гл., Сл. 11-17, 25: 91). В московских грамотах *слобода* появляется, начиная с духовной Дмитрия Ивановича 1389 г. Как видим, форма *Слепеткову* в № 417, 2 четв. XIV в., хорошо встраивается в хронологию процесса, какой она выглядит по данным берестяных грамот; при этом она незначительно опережает появление варианта *слобод-* в других источниках, что позволяет видеть в ней наиболее ранний пример перехода *в* > *л* в данных фонетических условиях.

Трудно удержаться и не отметить также странного сближения фонетических судеб «свободы» и «дикого меда», как будто предвосхищающего соединение этих понятий в эпиграфе лермонтовской поэмы. Вкушая, вкусих…

Литература:

Гиппиус и Схакен 2011 — *A. A. Gippius, J. Schaeken*. On direct speech and referential perspective in birchbark letters no. 5 from Tver' and no. 286 from Novgorod // Russian Linguistics. Vol. 35 (2011). P. 13-32.

Горский и Невоструев 1857 — Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Писание святых отцов. I. Толкование Священного писания. М., 1857.

ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 13. Менск: Беларуская навука, 1982-.

Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.

Клочко 2008 — Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Клочко. Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9. 1533-1540 гг. / Подг. к печ. В.А. Воронин, А.И. Груша, И.П. Старостина, А.Л. Хорошкевич. М., 2008.

Крысько 1993 — В. Б. Крысько. Общеславянские и древненовгородские формы Nom. Masc. Sing. *о-склонения // Russian Linguistics. Vol. 17 (1993) № 2. P. 119-156.

Махек 1928 — *V. Machek*. [Rez.] Aleksander Brückner: Słownik etymologiczny języka polskiego // Listy filologické, 55, 141-152.

Махек — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1957.

Нахтигал 1963 – *Р. Нахтигал*. Славянские язык. М., 1963.

НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I-VI и указатель. СПб., 1859-1915.

ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530-1540 гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 2004.

Сл. 11-17 в. — Словарь русского языка XI-XVII вв. М. 1975-.

Срезневский — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I-III. СПб., 1893-1903.

ССМ — Словник староукраїнської мови XIV — XV ст.: У 2 т. Київ, 1977-1978.

Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., Т. 1-4. М., 1964-1973.

[4] Пример недостаточно показателен ввиду книжности контекста.